СКАЗКА
О КУПЦѢ СЪ КУПЧИХОЮ И О ВЫКРАДЕННОМЪ ИХЪ СЫНѢ

Въ нѣкоемъ–то было Государствѣ,
За тридевять земель, въ тридесятомъ Царствѣ —
За тѣми ли за морями широкими,
За горами крутоярами высокими,
Гдѣ лѣшіе съ русалками пьютъ да гуляютъ —
Хлѣбъ–соль водятъ, да братство знаютъ,
Гдѣ вѣдьмы съ домовыми въ свайку играютъ —
— А о прочемъ и другомъ здѣсь не говоримъ,
И краткости ради теперь умолчимъ —
Тамъ–то, слышь, жилъ былъ купецъ,
Честной господинъ, удалой молодецъ —
Жила была — ужь одинъ къ одному!
А то–бы, знать, скучно, и ей и ему —
Жила была съ нимъ, съ купцомъ, и купчиха.

Хозяйка бѣдовая, стряпуха, повариха,
Какой другой не сыскать, не найти,
Хоть весь бѣлый свѣтъ шаромъ обкати.
И хозяйства далъ Богъ имъ вдоволь и до–сыта;
Кубышка по край черезъ верхъ набита —
Знать Господь починъ въ торгу благословилъ,
А въ починѣ вся и сила: онъ–то купцу и дорогъ и милъ.
Купцу тому тысяча, что намъ грѣшнымъ полтина;
Былъ, вишь, богатъ, тороватъ дѣтина —
Ну денегъ пропасть, что и говорить;
Да вотъ бѣда: не на кого ихъ копить;
Ужь не впрокъ же ихъ, что огурцы, солить,
Прости Господи, не дай согрѣшить!
Да только добряки наши жили, жили,
Добра стало много, а дѣтей не прижили.

Тутъ кума Соломонида, да сватъ Демьянъ,
А гдѣ сказки, тамъ и онъ, хоть званъ не званъ —
Сватъ да кума, покивавши головой,

Вздохнули, да перетакнулись промежь собой:
А сватъ примолвилъ: дуй–тя горой!
Такъ все на свѣтѣ, торчмя головой;
Поди вотъ теперь, хоть, примѣромъ сказать,
Чтобъ рѣчи твоей, тёзка, не перебивать,
Хоть Кирсановъ нашъ — ни плутъ, ни дуракъ,
Ни воръ, ни пьяница, ну казакъ какъ казакъ;
Захаять не зачто — и далъ Богъ племя,
Далъ Богъ дѣтушекъ ему съ три беремя;
Такъ нищета одолѣла; а глядишь, что годъ,
То у него въ домѣ приплодъ да приплодъ;
А купчиха твоя, тёзка, съ купцомъ,
Живутъ–поживаютъ дворомъ и домкомъ,
Хозяинъ богатый, хозяйка молода,
Да вишь Господь–Богъ не даетъ имъ плода!
Власть Господня! молвила кума;
Кому таланъ, кому два, а кому сума;
Волѣ Господней перечить не станешь.

Не дастъ, такъ съ чѣмъ ляжешь, съ тѣмъ и встанешь;
А все за грѣхи наши надъ нами творится;
Нынѣ народъ, вишь, и Бога не боится;
Съ притоусцами ѣстъ, и хлѣбъ–соль водитъ,
А ино и бороду стрижетъ и по новому ходитъ,
Проѣзжихъ объ одной оглоблѣ возитъ —
А заглянь въ карманъ, такъ не бось еще носитъ
Поганое зелье, на Московскую стать —
Языкъ не поворотится чтобъ ее и назвать —
И тѣло сквернятъ, и души губятъ,
А небось огня геенскаго не любятъ....
Кума, кума! вотъ то–то молода,
А кумѣ нашей 62 года —
Вотъ то–то въ головѣ твоей бабій умъ,
По нашему: перекати–поле — молвилъ кумъ —
Дуетъ по вѣтру, черезъ пень въ колоду,
По горамъ, такъ по горамъ, въ воду, такъ въ воду —
А на эдакой умъ надежда плоха;

Да не будь на бѣломъ свѣтѣ нашего грѣха,
Такъ, правда, сатана на расправу не потянетъ,
Да вѣдь и милосердія Господняго тогда не станетъ;
Не согрѣшивши не умолишь, чай знаешь сама;
А ты бы языкъ прикусила, кума,
Вѣдь онъ безъ костей, замотается подъ часъ;
Коли больно праведна, отмаливай за насъ;
Постничай сколько хошь, а со свекровью не дерись;
Да и кумовья не черти, и съ ними не бранись!
Потолкуй–ка еще съ нами, такъ станешь поумнѣй,
А послушай нашей сказки, уснешь поплотнѣй.

Такъ у нашего купца, у добра молодца,
Всего было вдоволь: и добра, и животины,

И денегъ, и товаровъ, и хлѣба, и скотины —

А дѣточекъ нѣтъ. Разъ, справивъ именины,

Какъ долгъ христіанскій велитъ, справивъ пиръ,

Пиръ на весь міръ, на причетъ и на клиръ,

Употчивавъ всѣхъ гостей на–убой,

Что не на своихъ ногахъ поволоклись домой —

Да оставшись одинъ, то есть, самъ–другъ съ женой,

Распоясался онъ, утеръ потъ полою,

Присѣлъ на лавку, покачалъ головою,

Бороду разгладилъ, — самъ тяжко вздохнулъ,

Помолчалъ, помолчалъ, да на хозяйку взглянулъ:

А что–де, Устиньюшка, много–ль будетъ проку,

Что станемъ поить до упаду Козьму да Фоку,

Сзывать на хлѣбъ–соль добрыхъ пріятелей

Дружковъ–толоконничковъ, не спѣсивыхъ прихлебателей;

У денегъ глазъ нѣту; имъ что дорога то и путь,

А помремъ, такъ и нѣчѣмъ будетъ насъ помянуть!

Послушай–ка, умница, не мудраго мого слова,

Ино путное выходитъ изъ словца простова:

Дѣтей намъ Богъ не далъ; нѣкому добра покинуть —

Живи, поживи, а придется же сгинуть,

Какъ по душу придутъ: и добро пропадетъ,

Туда, сюда, по чужимъ рукамъ пойдетъ:

Давай сотворимъ богоугодное дѣло,

А тамъ — прими Господь душу, а земля грѣшное тѣло;

Авось, не смилуется–ль еще Создатель

Всемилосердый нашъ, за грѣхи, каратель —

А покрайности люди насъ добромъ помянутъ,

Да молитву прочтутъ, какъ на голубецъ нашъ глянутъ...

Устинья не прочь; на богоугодное, говоритъ,
И Самъ Господь насъ съ тобой благословитъ.
Съ Богомъ, Касьянычь, гдѣ рука, тамъ голова!
И стали они думать — да отъ Рождества до Покрова,
Все думали, гадали, а къ чему приступиться не знали.
Коли Божій домъ, богадѣльню построить,
Такъ въ ней въ одной всѣхъ калѣкъ не пристроить;
А они народъ простой, чести не знаютъ,
На всѣхъ не угодишь — такъ того и гляди еще и обругаютъ;
И будетъ за нихъ на томъ свѣтѣ икаться,
Пропадешь ни за грошь, а ты думалъ спасаться!
Построить было церковь, святой Божій храмъ,
Такъ оно бы и ладно, знаю я самъ;
Да вѣдь дѣло–то оно больно святое;
Это не то, что прочее иное —

Поколѣ управишься, да дѣло повершишь —
Не хотя, либо тутъ, либо тамъ согрѣшишь;
А согрѣши помышленьемъ, не то, чтобы дѣломъ,
И не виноватъ, кажись, ни душой, ни тѣломъ,
А все пропало, добру не бывать,
И на томъ свѣтѣ, видно, кары не миновать:
Тамъ было думалъ я на свой приходъ
Школу построить — ну такъ народъ,
Да и старики наши, говорятъ: не годится;
Не велятъ учиться, велятъ поститься,
Свѣтскихъ книгъ не читать, а поболѣ молиться,
Какъ быть, кого слушать — кто ихъ знатъ,
А вѣрнѣй всего, что будешь виноватъ!
Опять же, признаться, и то сказать:
Мальчишекъ станутъ пороть да драть,
За цыфирь, да за грамоту, за ѳиту да за ять —

Такъ они насъ съ тобой, Устинья, проклянутъ;
Добромъ не помянутъ, отцами не назовутъ!
Тутъ хозяйка подхватила: такъ построй монастырь,
У тебя же лежитъ на задахъ пустырь,
Чего съ нимъ няньчиться? пора развязаться,
И то ужь Городничій сталъ придираться;
Вишь, нѣ видаль ему, что поросло мѣсто травой,
Что коровушки ходятъ, да три овцы съ козой!
А я, Устиньюшка, думалъ было такъ:
У насъ вотъ перевозъ: а перевозчиковъ, собакъ,
Прости Господи, во вѣки вѣковъ не дождешься,
Не допросишься, не докличешься, не дозовешься:
Не то спятъ, не то заберутся въ кабакъ.
А тутъ мужичокъ подъѣдетъ съ сѣномъ —
Со свеклой, съ капустой, съ лукомъ, съ хрѣномъ —

Тутъ съ хлѣбомъ иной, другой со скотомъ —
Глядишь — пріѣхали, да и засѣли;
Къ базару ѣхали, а за рѣкой просидѣли,
Да еще и проѣлись, прохарчились кругомъ;
Вотъ онъ каковъ, живетъ нашъ паромъ!
А вѣдь броду–то нѣтъ; наша рѣка
Почитай таже Москва, широка и глубока.
Такъ умыселъ мой, Устиньюшка, простъ,
Построимъ, во славу Господню, мостъ; —
Анъ кто ходить ли, ѣздить ли по немъ станетъ,
Авось насъ съ тобою по добру помянетъ —
Касьянычъ, Касьянычъ! и что тутъ говорить,
На себя клепать и Бога гнѣвить —
Будто ты, хоть себя въ услугахъ уморишь,
Будто ты, говорю, на людей угодишь!
Да это, — прости Господи, — сѣмя,

Отъ перваго, до послѣдняго, Адамово племя —

— Ужь правда, сватъ мой не даромъ говоритъ:

Бабье сердце что котелъ кипитъ! —

Ну, пусть же ее сидитъ да бранится,

А намъ, не угодноль по мосту пройтиться.

Вотъ изволишь видѣть: мостъ на сваяхъ,

На сходахъ, на сводахъ, на желѣзныхъ спаяхъ,

Съ отводами, съ разводами, съ быками и со столбами,

Съ перилами, съ правилами, съ цѣпями и съ фонарями.

И народъ, изволишь видѣть, тутъ же толпится,

Не нахвалится, не нарадуется, не наглядится:

Устиньюшка наша, какъ смѣтила, что дѣло

На ладъ пошло, давай хвалить его смѣло;

И ну раскланиваться, да съ кумушками толковать:

— Ужь на силу могла де–скать Касьяныча уломать —

А то, говоритъ, сперва было, гдѣ пустырь

У насъ на задахъ, хотѣлъ строить монастырь;

А тамъ опять богадѣльню, да школу,

И, отецъ мой, молвила я, нашелъ у

Людей, у народа, совѣсть, да честь!

Поколь у тебя копѣйка есть,

Да поить, да кормить, да припѣвать имъ станешь,

Такъ ладно все; а какъ перестанешь,

Либо Господи по душу пошлетъ —

Поминай какъ звали, все пропадетъ;

Покланяются деньгамъ твоимъ, не дѣламъ,

А дѣломъ не угодишь, хоть разорвись пополамъ.

На чести людской уѣдешь не далеко;

У черной коровки бѣлое молоко,

А отъ человѣка того не дождаться намъ;

Онъ, вишь, посмотрѣть, съ лица–то и бѣлъ,

Да душа черна, оттого онъ и смѣлъ

На брань, на укоръ, и на руку не чистъ,

Оттого у него и языкъ злорѣчистъ,
Говоритъ одно, а помышляетъ другое,
Оттого и въ помышленіяхъ у него худое,
Стелетъ онъ мягко, да жестко спать.....
— Словомъ, всего намъ не пересказать
Что Касьяныча хозяйка наговорила;
Она, вишь, язычкомъ и шила и мыла
И гладила и катала и ткала и лощила.
Да, бабья думка, да бабій кадыкъ,
Бабій умъ, да бабій языкъ —
Вещь диковинная, дѣло великое!
Города строитъ, терема кладетъ,
А дѣломъ ворочаетъ — что пироги печетъ!
Устинья, построивъ, не городъ, а мостъ,
Долгой и длинный,
Стала хозяину своему говорить:
А что, Касьянычъ, чай надо посадить
Сторожа, чтобъ во всѣ глаза глядѣлъ,
Коли хочешь, чтобъ мостъ этотъ у насъ уцѣлѣлъ;
Народъ уродъ; тутъ зацѣпилъ, да тамъ задѣлъ —
Того и гляди, что перилы поломаетъ,
Фонари побьетъ, надолбы поваляетъ —

Гдѣ глазу нѣтъ, тамъ напасть и бѣда:
Ты посѣй просо, а выростетъ лебеда —
Посадить было намъ батрака, хоть Ивана.
Вѣдь онъ не хуже любова болвана;
Пусть лапти себѣ ковыряетъ, сидитъ,
Да пусть слушаетъ, что народъ говоритъ:
Николи тебѣ правды не скажутъ въ глаза;
А ты подслушай, что молвятъ за глаза,
Тогда, хоть ты на нихъ и попеняешь,
Да за то ужь всю правду–матку узнаешь.
Сказано, сдѣлано: на мосту Иванъ сидитъ,
Да слушаетъ что народъ говоритъ.
Отцы мои! да ктожь на людей угодитъ?
Одинъ идетъ — да про себя молчитъ;
Ему и нужды нѣтъ, что тутъ мостъ стоитъ;
Другой идетъ: — богаты больно, говоритъ,
Вишь, долги больно стали у нихъ животы,

Такъ отъ нечего дѣлать стали строить мосты.

Третій идетъ да ворчитъ: экъ ихъ лѣшій подбилъ!

Ужь я бы лучше на этѣ деньги землицы купилъ —

Да вскопалъ бы огородъ, да посѣялъ бы луку,

Сидѣлъ бы да ѣлъ, сбивалъ бы съ рукъ скуку!

Ну, словомъ, всякъ, кто по мосту ни пройдется,

Бранитъ Касьяныча по–своему — и не запнется!

Идутъ наконецъ двое старичковъ —

Этѣ знать были охотники до мостовъ;

Разговариваютъ промежь собой, да и говорятъ:

Дай Богъ здоровья, да чего сами захотятъ,

Старичкамъ–добрякамъ нашимъ за доброе дѣло;

Знаемъ мы чего хотятъ они, да время еще не приспѣло;

А черезъ годъ со днемъ видно ждать имъ сына.

И хорошъ, пригожъ уродится дѣтина:
И собой молодецъ и досужливъ и удалъ:
Чтобъ ни задумалъ, чтобъ ни загадалъ,
Тому такъ и быть: его слово законъ,
И что ни задумай онъ, какъ въ руку сонъ!
Батракъ Иванъ лапти ковырять ковыряетъ,
Да самъ слушаетъ и про себя смѣкаетъ;
Пришелъ домой, а купчиха его въ допросъ:
Лапти повѣсь въ клѣть, еще не близокъ покосъ;
А ты скажи намъ, что люди говорили:
Чай все бранятъ, а добра не посулили?
Нѣтъ, говоритъ Иванъ, почесавъ затылокъ и спину —
Оно конечно, что таить, было всякаго помину,
Однако двое стариковъ таки за васъ помолились:
Дай Богъ имъ–де здоровья, а сами перекрестились,
А одинъ и говоритъ: ну, не даромъ же и потрудились:

Господь имъ черезъ годъ со днемъ дѣтище пошлетъ, чадо,

А имъ, какъ бездѣтнымъ, я–де знаю того и надо.

Вотъ что всего на–все сказалъ имъ бартакъ Иванъ;

А что будетъ у сына ихъ таланный таланъ,

Что по слову его, чтобъ ни загадалъ,

Все будетъ дѣлаться, о томъ промолчалъ.

Плоха живетъ на свѣтѣ побранка да побайка,

А и плоше того молчанка да утайка;

А малость народу угождаетъ въ середку,

Да держитъ на перевѣсѣ и языкъ и глотку;

Иной наскажетъ тебѣ да наплететъ

Что и чортъ не распутаетъ, и сатана не разберетъ —

Другой, притаившись, такъ ловко смолчитъ,

Что не хуже горлодрая и въ молчанку подсидитъ:

Нужды нѣтъ, ну ихъ, — пусть хлопочутъ да трудятся,

Вѣдь и жаба и крыса на что нибудь да родятся,
И змѣя и клопъ и иные гады.
Купецъ да купчиха страхъ какъ были рады,
Что имъ за благое житье, да за постъ,
Да за доброе дѣло, за долгой мостъ,
За сердоболіе, за тороватость,
Господь посылаетъ такую радость;
И вѣрятъ и не вѣрятъ и не знаютъ, какъ быть —
Тутъ глядь — а купчихѣ пришло время родить,
Родила она сына, батракъ Иванъ его укралъ,
Да зарѣзавъ цыпленка кровью и замаралъ,
У матери ротъ, будто она сына съѣла;
А она, видно, спала, да младенца и проглядѣла.
Хвать да хвать, искать поискать —
Анъ его ужь нѣтъ, и поминай какъ звать.
Касьянычъ съ хозяйкой тужили да тужили,
А какъ добыть сына, ума не приложили;

Посtitься–ль, молиться–ль, внести ли вкладъ,
Аль опять строить мосты? Касьянычъ всему бы радъ,
Только бы далъ Господь снова ему кладъ,
Радость на старость въ одинокой долѣ;
Да хозяйка ему ужь не давала воли:
Богу не угодишь ты и людей не удивишь,
А добро свое размечешь, да карманъ разоришь.
Нѣтъ, Касьянычъ, ужь что будетъ, то будетъ,
А деньгами не сори, отъ этого не прибудетъ;
Будто ты, хоть себя въ услугахъ уморишь,
Будто ты, говорю, на людей угодишь!
Да это, прости Господи, сѣмя,
Отъ перваго до послѣдняго Адамово племя....
Касьянычу рацея эта была больно знакома,
Онъ и радъ бы отъ нея не сказаться дома —

Такъ ужь не сталъ ни перечить, ни спорить,
Чтобъ Устинью свою больше не раззадорить.
Межъ тѣмъ нашъ малый растетъ да добрѣетъ,
Что подовый пирогъ въ печи спѣетъ, да зрѣетъ —
А батракъ Иванъ его учитъ да мучитъ,
То пригрозитъ, то поканючитъ —
А больше наукой заправляла плётка,
И для науки, говоритъ Иванъ, плетка находка —
И такъ онъ изловчился и малаго извадилъ
Такъ его направилъ, да про себя наладилъ,
Что бывало чего бы ни захотѣлъ, ни пожелалъ,
Только малому подскажетъ, тотъ задумалъ, загадалъ,
А оно тутъ и есть; таки что ни захотѣлъ.
Такимъ–то побытомъ бартакъ нашъ разбогатѣлъ,
Ѣлъ–пилъ солоно да кисло, а ино
Ѣдалъ и сладко, да пилъ пьяно.

Однако Ивану пироги пріѣлись,
Да и деньги тожь подъ конецъ приглядѣлись;
Вѣдь слово сказано и всякому извѣстно,
Что все это любо намъ, и дорого и лестно,
Поколь его нѣтъ; а какъ все привалило,
Такъ тожь надоѣстъ; оно ужь и не мило;
Что есть, то есть; то не въ зачетъ;
А все бы вотъ добиться того, чего нѣтъ:
И бартакъ нашъ задумалъ съ новинкой поноситься —
Задумалъ, разжившись, слюбиться, да жениться.
Такъ вотъ бѣда: и прихоть–та съ походцемъ:
Купи, вишь, пилу, да чтобъ была съ разводцемъ!
Нашему брату, что ни дѣвка, то невѣста;
А тутъ расходился не найдетъ себѣ и мѣста!
Бывало облизывается глядючи на калину,
А тутъ ужь и не глядитъ на лѣсную малину;

Накинулъ глазомъ на дородную мѣщанку —

— Спасибо еще, что не полюбилъ дворянку —

Такъ та не туда, вишь, и знать его не хочетъ;

Да Иванъ мой не тужитъ, не больно хлопочетъ:

Конь и радъ не везти, да кнутъ погоняетъ,

А Ивану плётка за все отвѣчаетъ:

Посѣкъ мальчишку, да сгадать приказалъ

Чтобъ дѣвка полюбила — да еще и настращалъ —

— А острастка ину пору дороже побоевъ —

Оно такъ и сталось; та изъ своихъ покоевъ

Шлетъ свахъ за Иваномъ; скорѣей, не дождется,

Либо утопится, либо убьется,

А тошно безъ тебя ей; на бѣломъ свѣтѣ не живется.

И сосваталъ дѣвку, инно людъ мірской испугался:

Что–де за притча! а Иванъ себѣ обвѣнчался,

Сталъ жить да поживать, и всѣмъ въ глаза насмѣялся

Нашъ Иванъ отъ Касьяныча давно ужь отошелъ

И жилъ онъ въ другомъ городѣ, гдѣ невѣсту нашелъ.

Вотъ разъ какъ–то ночью — видно выспавшись днемъ,

А день былъ воскресный, — такъ всхрапнули–таки путемъ.

— Разъ ночью жена взяла Ивана въ допросъ:

Отколѣ де, и съ чего все это взялось?

Дьячиха говоритъ, что былъ ты больно убогъ

И жилъ въ батракахъ; какъ Господь тебѣ помогъ

Эдакъ съ легкой руки больно скоро разжиться,

Что кто ни поглядитъ, всякъ только дивится?

— Молчи, говоритъ Иванъ, ужь вы мнѣ съ дьячихой!

Унесъ я, вишь, сына у купца съ купчихой,
А малый съ таланомъ: чего ни пожелаетъ,
Какъ в руку сонъ, только загадаетъ;
А чтобъ слѣды затерять, да укрыться,
Такъ я ей ночью крови подалъ сполоснуться да умыться,
Да въ кровь омокнулъ и конецъ полотенца; —
Купецъ такъ и подумалъ, что съѣла–де младенца —
Бабища она злая, а хозяинъ — этъ митяй;
Ужь на языкъ остра, а на зубъ — ай, ай!!
Тѣмъ часомъ мальчишка не спалъ, а притаился,
Да слышалъ все, да про себя и помолился:
Чтобъ уйти ему отъ напасти и неволи,
А Ивану посулилъ собачьей доли;
Перекинуться–бъ ему за ночь мохнатымъ псомъ,
Да слѣдить за мальчишкой, да вертѣть хвостомъ.

И не радъ хрѣнъ теркѣ, а по ней боками пляшетъ;

И не радъ Иванъ шубѣ, а хвостомъ машетъ!

Мальчишка проснулся — въ ногахъ, что баранъ,

Лежитъ, сердечный, собака–Иванъ!

И пустился мальчишка за утре домой,

А песъ–Иванъ за нимъ поспѣшаетъ, какъ свой!

Люди добрые мальчишку на пути кормили

И собакѣ его было подачку положили;

А онъ говоритъ: не надо, не трудитесь даромъ,

Она хлѣба не ѣстъ, а питается жаромъ.

А люди и говорятъ: мы–де много видали,

А про такое чудо, признаться, и не слыхали;

Не можно тому быть, твоя собака не самоваръ,

Чтобъ огонь поѣдать, да глотать ей жаръ!

А коли этому не льзя, такъ тому какъ–де быть,

Чтобы матери родной свое дитя поглотить?

Такъ знайтежь, люди добрые, что я живъ и здоровъ;

Ведите къ отцу–матери меня, подъ покровъ;

Отъ пса–Ивана я ушелъ, что изъ клешней у рака,

Да не обидѣлабъ меня другая собака;

А что будетъ ей кличка не Иванъ, а Михей,

Такъ мнѣ отъ этого ни легче, ни теплѣй.

Касьянычъ земли подъ собою не взвидѣлъ,

Какъ сына опозналъ, да глазами увидѣлъ:

Заплакала отъ радости и сама Устинья,

Да подала на столъ и щи и ботвинье:

Ѣшь, мое дитятко; а собаку–Ивана привяжемъ,

Да Городничему ниже полслова не скажемъ:

А то–тѣ пойдутъ придирки, да допросы,

Да на пять лѣтъ розыскъ, да слѣдствія, да спросы:

«Какимъ–де побытомъ батракъ вашъ Иванъ
Угодилъ въ собаки, и не былъ ли пьянъ?»
Упаси Господь! тутъ бѣды не оберешься,
И не то отъ собаки, отъ отца роднаго отопрешься!
— Кушай, мое дитятко, вотъ и масло коровье
На кашу, день скоромный, кушай, на здоровье!

В. ЛУГАНСКІЙ